

ГЕННАДИЙ ГУСЕВ

СТОЯНИЕ НА КОМСОМОЛЬСКОМ Москва. 1991 год

– Товарищи! Нам необходимо выразить отношение Союза писателей СССР к историческому, не побоюсь сказать, событию, которое произошло вчера. Президент Горбачёв заболел; создан ГКЧП во главе с Янаевым...

Серёжа Бобков, помощник вице-президента Янаева, присланный “сверху” на внеочередное заседание союзного писательского секретариата, многозначительно умолк, обводя ищущим требовательным взглядом потупившихся в стол участников заседания.

Сколь же стремителен бег времени! И десятка лет не прошло с того дня, как Сергей, сын генерала КГБ, робко входил в мой директорский кабинет на Ярцевской, пылая жаждой издать первую, ещё почти ученическую, тощую книжечку своих стихов. Они и впрямь были несовершенны, эти вирши: мои “орлы” из отдела поэзии готовы были дать автору ещё пару-тройку лет “кандидатских” – чтобы голос музы окреп, возмужал, не срывался на писклявые, инфантильные ноты. Немало резких слов пришлось мне сказать тогда Сергею. Воздам ему должное: он усердно кивал головой в знак согласия, не выпендривался (а мог бы – при таком-то высоком статусе отца!) и старательно поработал над рукописью.

А теперь Сергей Филиппович, погрузневший, посолидневший, взлетевший на вершину власти, буквально прожигал меня строгим взглядом: ну ты, Геннадий Михайлович, оргсекретарь Российского Союза, начни! Определи позицию крупнейшей организации! Ну же, ну!

Он словно бы не догадывался, что я ни при каких обстоятельствах не лезу “поперёд батьки в пекло”. А “батька” здесь – многомудрый, испытанный в политических и литературных баталиях С. В. Михалков, секретарь Союза писателей СССР. “Большого Союза”, как тогда говорили. Он первым и ответил янаевскому эмиссару.

– Мы не совсем, откровенно говоря, понимаем такую спешку с официальным признанием ГКЧП. Ведь в его составе – люди самые близкие президенту Горбачёву, и никакого “путча” против него они вроде бы не замышляют. Однако всё это должно протекать в бесспорном, всем понятном русле – пусть прояснится со здоровьем Михаила Сергеича, станет известным его отношение к действиям Комитета. Мы ведь пока не знаем даже, с его согласия или против этот Комитет был образован. Да, нужны срочные меры для спасения советской власти – срочные, но не судорожные. Подождём, когда услышим голос из Фороса...

Сергей Владимирович, покрасневший от напряжения, тоже обвёл быстрым взглядом собравшихся; все облегчённо закивали головами: согласны, соглас-

ны! Ведь в самом деле, кто сразу напустил туману вокруг президентского неведомого недуга? Зачем? Или берите власть сразу, как в Октябре 1917-го, или...

А что "или"? Значит, остаётся ждать. И я тоже кивнул головой в знак согласия с Михалковым. И тем самым негаданно внёс свою лепту в спасение Российского Союза от захвата и разгона. Но сердце до сих пор ноет: вот так всё и сдавали... "Подождем... авось образуется... не будем торопиться... Спешка только при ловле блох нужна..."

Плохо же мы знали "демократов", питаемых злобой, жадностью и жадой власти! Сразу же после краха ГКЧП Евг. Евтушенко с поделщиками заняли весь дом Ростовых, всех несогласных вытряхнули, как пыль из кабинетного ковра, и неумолимо принялись составлять проскрипции врагов перестройки и "законной власти". Ею теперь стал "великий и ужасный" борец с коммунизмом расстрига Ельцин. По сию пору вспоминать тошно: возвращение из Крыма Горбачёва, такого жалкого, расхристанного, раздавленного, словно жирная гусеница под сапогом... И этот антисоветский торжествующий вой на митингах и в эфире... И дьявольская политическая гримаса торжественных похорон трёх зевак, назначенных, явно в жуткую насмешку, последними Героями Советского Союза... Окаянные дни! И нету пока на них своего Бунина. Впрочем, ещё не вечер...

"Новый" СП СССР в облике недавнего певца Братской ГЭС, завладевшего и домом, и печатью бывшего "министерства литературы", начал войну с "оплотом тоталитаризма" в интеллектуальной сфере — с Союзом писателей РСФСР. Как свергнуть, опорочить, опрокинуть в грязь, заставить уйти в отставку Бондарева и его сплочённую команду? Да очень просто — объявить чуть ли не участниками государственного переворота! Выгнать их из родного гнезда — из дома на Комсомольском, 13 — и запустить туда своих птенцов-демократов!

Сказано — записано, печатью скреплено. Одного не знаю поныне: почему властная поддержка этого едва ли не первого в Москве рейдерского захвата (сколько их будет потом — не сосчитать) была поручена именно префекту Центрального округа столицы А. И. Музыкантскому. Видимо, у мэра, хитрого грека Гаврилы Попова сработал какой-то предупреждающий рефлекс: не перегнуть бы, всё-таки писатели, народ горластый, популярный, шумиха подыметя, да и сам их Союз — организация не городская, а федеральная. Впрочем, прочь догадки: всё тогда творилось "по-революционному", а если точнее — "по понятиям" дорвавшихся до власти временщиков.

Да что теперь... Ради справедливости подчеркну ещё раз: михалковское "ни да, ни нет" в августе всё-таки позволило нам избежать роспуска российского Союза и отстоять Дом Казакова. Это уже не "если бы", а прочная реальность минувших лет.

Судьба была милостива к нам: захватчики не сообразили, не смикитили, когда и как им лучше, удобнее провести "зачистку" главного здания упрямых русских литераторов. Плохо Ленина читали. Да и вообще... Хреновый революционер получился из Жени Евтушенко. Вылитый Керенский!

Это я говорю и в целом, и относительно времени, выбранного для захвата. 31 августа собрался пленум правления СП РСФСР. Конференц-зал полон: со всех сторон России собрались встревоженные братья-писатели. К извечным русским роковым вопросам добавился ещё один, самый неразрешимый: *что теперь будет?!*

Именно об этом, нервно, возбуждённо, даже чуточку растерянно, начался разговор в заполненном под завязку конференц-зале Союза. Внезапно в правых от президиума дверях появился сторож дядя Коля и начал выразительно манить рукой кого-то из нас. Скорей всего, меня. Я обернулся к Бондареву, он согласно кивнул: "Идите. Узнайте, в чём дело".

И вот он, момент, забыть который невозможно. Внизу, у дверей, меня ожидали трое (или четверо?) внушительного вида незнакомых молодых людей. "Вы кто?" — обратился ко мне один из них, чернявый, долговязый, пышноволосый, с прыщавым "фейсом". Я отрекомендовался и, в свою очередь, спросил: "Что вам угодно?"

— Мы, — начал он напыщенно, — представители 267-го батальона национальной гвардии. У нас на руках распоряжение префекта Центрального административного округа Музыкантского о прекращении деятельности вашей организации в связи с поддержкой деятельности... — Прыщавый запнулся,

заглянул в бумагу, которую держал в руках, и завершил дрожащим от возбуждения голосом:

— ... в связи с поддержкой преступной антигосударственной деятельности ГКЧП.

Он высоко поднял предписание префекта, затем передал его мне в руки. Я впился глазами в текст. В висках оглушительно застучало.

— Кроме того, — неслось мне в уши от “нацгвардейца”, — у нас на руках решение Союза писателей СССР, подписанное самим Евгением Евтушенко...

Так! Спокойно! Не вступать ни в какие переговоры! Быстро — наверх. Всех — в ружьё, как в армии по тревоге! Примерно такое пронеслось у меня в голове, когда я взлетел по мраморным ступеням на второй этаж. Ах, гады, ах, сволота, провокаторы! “Батальон”... Сколько их? Кто такие? Чем вооружены, кроме указивки префекта?!

(Спустя два года, 4 октября “расстрельного” 93-го, на пороге уже “Нашего современника”, я ещё раз столкнулся лицом к лицу с похожими обличьем и наглым поведением молодыми решительными людьми. — Кто такой? Куда идёте, к кому? — преградил мне дорогу в редакцию возникший из прошлого “национальный гвардеец”. Оказывается, они искали сотрудников только что запрещённой газеты “День”. Я вынужден был предъявить служебный пропуск. Не сдержался, съязвил: — Всё крамолу ищите, ребята? А сами-то кто такие? — В ответ “гвардеец” свирепо прошипел: — Придёт час — доберёмся и до вас! — Но никакой бумаги не показал.

“Очень похожи на бейтаровцев”, — подумал я. Но утверждать доподлинно и сегодня не могу: эта военизированная молодёжная организация, корнями своими уходящая к отцу сионизма Жаботинскому, умеет стрелять и отнимать, но действует тайно, аккуратно, не попадая в яркий свет вездесущих СМИ. Но ведь был, был заявлен “батальон национальной гвардии” 31 августа 1991 года! Был — и сплыл, испарился, аннигилировался. Или... затаился?)

Из глухо гудящего зала пленума навстречу мне вышел возбуждённый общей тревогой Куняев.

— Гена! Что? Кто? — Стас выхватил у меня “музыкантский” ультиматум, пробежал глазами. Лицо его передёрнулось гримасой презрения. Р-р-раз! — и бумага тут же была располосована надвое. Запомнилось: брезгливо держа в каждой руке по половинке разодранной руководящей цидулы, поэт ворвался в зал и закричал:

— Вот, смотрите! Нас выгоняют из родного дома! Это Женя Евтушенко хочет похоронить Российский Союз писателей. Его почерк, его подлость!

Слова Куняева потонули в громе возмущения. Потом на трибуну поднялся Василий Иванович Белов — тогда депутат Верховного Совета СССР. Ему было поручено немедленно ехать в Кремль — поднимать волну протеста, организовать депутатский запрос — в общем, заставить власть, уже вполне беспомощную, проявить волю и пресечь незаконное самоуправство московских “дерьмократов”. (Кстати, именно тогда впервые услышали мы это солёное словечко, бьющее прямо “в яблочко”.)

Зал продолжал шуметь, как растревоженный улей. Неслись выкрики: “Давайте поедem в большой Союз и набьём Евтуху морду!”, “Руки у них коротки — отменить Россию!”, “А что же Ельцин?! Он же суверенитет уже год как провозгласил? К нему надо идти!” Всего и не упомнишь.

Тогда встал Юрий Васильевич Бондарев. Поднял руку. Попросил тишины. Я любовался своим патроном: собран, подтянут, спокоен. Фронтоник, одним словом!

— Давайте решать, что делать дальше. Во-первых, надо немедленно пойти и сказать этим самозванцам... Как они там себя называют? — обратился он ко мне.

— Батальон национальной гвардии, — подсказал я.

— А какой же национальности гвардия? — ехидно и громко выкрикнул кто-то из зала.

— Во-вторых, — чуть повысил голос наш председатель, — нужно немедленно прекратить — полностью и безоговорочно! — доступ посторонних в здание Союза...

– Объявить на всю страну, что занимаем оборону от захватчиков! – снова донеслось из зала. Бондарев невозмутимо и твёрдо продолжил: – Именно так! Переходим на осадное положение. То есть остаёмся в нашем родном доме ровно на столько, сколько будет нужно для восстановления справедливости.

– А если полезут? Двери начнут ломать, окна бить – тогда что? – Зал замер в ожидании ответа.

– Стенка на стенку! “Иль русский от побед отвык?” – вдруг широко улыбнулся дотеле суровый Ю. В. И зал радостно вздрогнул от смеха.

– Каждый решает сам – остаётся здесь до конца или уходит. Тем более, мало ли какие у кого обстоятельства. . .

– Остаёмся! Все остаёмся! Не отдадим Союз! – вновь всколыхнулся зал.

Потом было заседание секретариата, на котором меня, оргсекретаря, утвердили начальником штаба обороны Дома русских писателей. И долго ещё Ю. В. Бондарев ласково называл меня “мой начальник штаба”. Честное слово, было это “звание” дороже любых высоких чинов, что пришлось мне носить в далёком уже советском прошлом. . .

“Ну Евтушенко, сын Алекса Гангнуса. . . – возмущённо думалось мне тогда. – Снова наши пути схлестнулись, пусть опять заочно” . . .

Впервые это произошло почти 20 лет назад, когда Женя завершил одну из многочисленных и многословных своих поэм – “Под кожей Статуи Свободы”, где прямо-таки до небес превозносил Америку и “солнцечубого” (!) президента Кеннеди. У журнала “Аврора” в Питере возникли к нему кое-какие вопросы, и они обратились за советом в обком партии (так часто бывало в то время – чтобы от жёсткой цензуры потом не пострадать). Случилось так, что именно мне позвонил из Ленинграда зав. отделом культуры обкома А. А. Введенский. Мы уже были знакомы – ведь именно я около года тому назад приезжал в город на Неве от ЦК в связи с предстоящим открытием нового литературного издания. Толь Толич (так все ласково звали этого доброго и нерешительного человека) спросил меня, не лучше ли будет на какое-то время “замотать” публикацию поэмы: уж больно, понимаете, местами безудержно “проамериканская” . . .

Я, уже обученный в своём отделе осторожности, вильнул: “Советую договориться с автором о встрече и высказать ему всё, что вас смущает. Да, он криклив, заносчив. Да, у него есть поддержка и “наверху”. Разговор предстоит трудный. Но иначе нельзя. И ещё – постарайтесь не педалировать политику: не отмоетесь потом!”

В общем, нормальный внутриаппаратный разговор. Но Введенский-таки ляпнул Евтушенке, что “советовался” с ЦК. “С кем, с кем?” – взвился Женя-ряженный. (Кто постарше, помнит и согласится: он всегда одевался крикливо, пёстро-клетчато, почти как футуристы начала века.)

И Толь Толич признался, что говорил с Гусевым из отдела культуры. Ответ Евгения последовал незамедлительно. Он напросился на приём к самому Михал Андреичу* и, чуть ли не обливаясь слезами отчаяния, нарисовал “серому кардиналу” партии жуткую картину: дескать, живу на гонорары, жду не дожусь, когда “Аврора” поэму напечатает, а тут какой-то Гусев, комсомолец-доброволец, лишает моих малых детей молока и хлеба. . .

Суслов возмутился и, пообещав несчастному поэту пресечь безобразия, вызвал к себе “на ковёр” моего шефа Шауро. Я повис на тонком волоске. . . К счастью, заводделом успел прочесть “Статую. . .” и тоже был от неё не в восторге. Была мне, само собой, крутая выволочка; была до того двухчасовая суета: куда можно будет сплавить инструктора, который то и дело создаёт конфликты с творцами? Обошлось, однако осадок остался. . .

Но Женя-то каков? Как умело давил на психику уже тогда немолодого “дедушки” Суслова! А ведь печатался щедро, огромными тиражами и по высоким ставкам. – не то что остальная поэтическая братия. И мне, грешному, через 12 лет после работы в ЦК, уже в “Современнике”, пришлось урезонивать его нездоровые финансовые аппетиты, доказывая, что очередную книжечку его *неприлично* издавать тиражом полмиллиона или 300 тысяч. А ведь он, прохиндей, знал, что предварительных заявок по всей России на

* М. А. Суслов – многолетний, со времён И. В. Сталина, секретарь ЦК КПСС, член Политбюро ЦК КПСС. – Авт.

его сборник от книжных магазинов было собрано — тьма-тьмушная. Хватило бы детишкам на молочишко... Я ему: “Женя! На твою книгу уйдёт столько бумаги, что не менее десятка, а то и больше твоих соратников по цеху вообще не смогут выпустить свои сборники — лимиты жёсткие, ты же знаешь”. А он мне: “Пускай такие стихи пишут, как я! Спрос решает всё!” Уже тогда был он ярым рыночником...

Теперь всё сошлось: флюгерный прагматик вновь сменил “кожу”, политическую и идеологическую, руководствуясь личной выгодой и направлением “ветра перемен”. Одописец Сталина в юности, один из первых “детей XX съезда”, потом “апрелевец”-горбачёвец, он нашёл “профит” и на дымящихся развалинах великого Советского Союза. Почему бы не подобрать ключи и печати бесхозного Союза писателей СССР, почему не испытать сладостное ощущение власти, доселе не ведомое ему?!

Друзья-“небольшевики” рядом: Гриша Бакланов, Толя Ананьев, Валя Оскоцкий... И, конечно, Юра Черниченко. Готовый новый секретариат! А “русскую деревню” на Комсомольском надо подвести под статью соучастия в государственном перевороте. Заодно и Дом казаковский отнять.

Теперь всё зависело от стойкости духа защитников здания российского Союза писателей. Удалось же быстренько вытряхнуть советских ребят из “Дома Ростовых” на Поварской! Героя-фронтовика Карпова они сами свалили. Должны, должны бондаревцы испугаться: ведь члены ГКЧП уже сидят в Лефортово — а кому охота менять цивильную постель на тюремные нары?!

... Нет, всё-таки не знают они, евтушенки, что есть ещё люди не “профитные”, способные к отпору, к противостоянию злу! Уже вечерело. Над казаковским Домом нависли тревожные сумерки. Я заканчиваю обход “позиций”. Вроде бы всё, что возможно и нужно — сделано. Возле входа ребята в течение двух-трёх часов соорудили баррикаду. Притащили откуда-то (по соседним дворам насобирали, видно) доски, брёвна, автомобильные скаты — вполне театральная декорация, чем-то схожая, по сути, с ельцинскими “укреплениями” вокруг “Белого Дома”: не было, правда, опрокинутых троллейбусов. Но вон они, продолжают бегать по проспекту. Совсем рядом. Если что, “возьмёмся за руки, друзья”...

В бондаревский кабинет вошёл долгожданный Василий Иванович. Лицо красное, бородёнка сизая, аккуратно стриженная, чуть вздёрнута:

— Нас поддержат, вот увидите! — с ходу заговорил он. — Все возмущены... ну, не все, но многие. Говорят: беззаконие! микропучк! Где доказательства “измены” русских писателей?!

Белов аж закашлялся от волнения. Борис Романов, наш “второй Бондарев” (избранный на предыдущем писательском съезде руководителем Российского союза с теми же правами, что и Бондарев; “дуумвир”, говоря по-нынешнему), перевёл разговор сразу в деловую плоскость:

— Запрос депутатский готов, Василий Иванович? Кто из руководства Верховного Совета за нас, а кто виляет?

Белов едва успевал отвечать. Оказывается, уже звонили Гавриле Попову из кабинета Лукьянова — хитрый грек отнекивается, знать, мол, ничего не знаю, дескать, это личная инициатива префекта Музыкантского. Связывались и с Союзом писателей СССР. Там говорят — надо немедленно прекратить деятельность нынешнего СП РСФСР, погрязшего в измене. Мы, мол (т. е. Евтушенко с подельниками), такое решение приняли, и оно обязательно для союза республиканского...

— Хорохорятся, паразиты! — Голос Белова дрожал от возмущения. — Переворотчики долбаные! Но понимают, что если союзные власти вмешаются... Начнётся разбирательство — следствие, прокуратура, милиция, суды...

Он остановился, обвёл васильковыми своими глазами всех участников нашей “чрезвычайки” и вдруг обратился прямо ко мне:

— Геннадий Михайлович! Как ты думаешь — сумеют они доказать, что Союз наш был за ГКЧП? Тогда капут — замотают, засудят. А? — И он вперился в мои очки.

— Союз не делал в дни ГКЧП никаких — ни-ка-ких! — заявлений в поддержку ГКЧП, — ответил я. — Совещание в большом Союзе с участием всего лишь помощника Янаева, кстати, члена СП — да, было. Но оно закончилось разговором, никаких резолюций не принималось. Так что юридически мы чисты.

– Так-то оно так, но пока – полный туман, – озабоченно подвёл итог Борис Степанович. – Утро вечера мудренее. Пойдёмте отходить ко сну. Как у нас с дежурством? – Я доложил: пока всё спокойно. Ребята снизу регулярно сообщают – толпа “защитников демократии” рассосалась, ничем агрессивным, кроме воплей: “Долой коммуняк!” “Писатели, вас ждёт Лефортово!” и т. п., не отмечалась.

Всё утонуло в темноте и неопределённости.

Несмотря на поздний час, конференц-зал продолжал приглушённо гудеть. Вспышки смеха, покашливание, улыбки... А кто-то уже капитально расположился на стульях: пиджак, а то и брюки – под голову, или портфельчик – что под рукой. А вон в правом углу приканчивают бутылку “русской горькой”, из горла – по кругу.

Телефон мой звонил постоянно: то жена, то дочь, то зять Артём. Договорились – завтра постараются пробраться к нам, поесть принесут, сигарет, новостей с воли.

... Совсем уж полночь, когда я собирался улечься на диване и вздремнуть, ко мне в кабинет заглянул Серёжа Лыкошин.

– Пришли ребята из РНЕ, от Баркашова. Предлагают помощь и содействие.

Ничего себе! У тех “нац. гвардейцы”, у нас – баркашовцы. Похоже на провокацию – втянуть писателей в политическую канитель... Впрочем, отчего бы не выслушать? Любопытно.

– Пускай заходят, – сказал я, стравивая подступающую сонливость.

Вошли трое в чёрном. Представились (увы, ни одной фамилии теперь не помню).

– Господин Гусев! У нас есть ряд конкретных, деловых предложений...

– Стоп, ребята! – прервал я. – “Господин” – это не ко мне. Не к нам. Господа – по тут сторону нашей баррикады. Я принадлежу к товарищам.

Один из пришедших, высокий, какой-то прилизанный, с девичьим пучком волос на затылке, стянутым простой тонкой резинкой, улыбнулся:

– Вы, наверное, просто не знаете происхождение слова “товарищ”. Это в старые времена разбойники, грабившие купеческие обозы, кричали друг другу: “Товар ищи, раззява! Товар ищи!” Так с тех пор и повелось у революционеров – “товарищ”...

– Неубедительно, – отмахнулся я. – Давайте ближе к делу!

Передо мной тут же был развёрнут настоящий “план Барбароссы”. Скатать все ковры и заслонить ими окна первого этажа; сменить на вахте наших сторожей – не обученных драке, не тренированных (“оттолкнут, раз по зубам – и в аут! А с нами не забалуешь!”); растянуть цепочку “бойцов” по всей длине фасада и хватать всех крикунов из “национал-гвардейцев”. Хватать и колотить, пока не умоются кровью...

– Если пойдёт по-серьёзному, у нас и оружие найдётся, – завершил изложение своего плана высокий с пучком. – Вы понимаете?

– Ещё как понимаю! – ответил я, глядя прямо ему в водянистые глаза. – Вы предлагаете нам вступить при первом же удобном случае в боестолкновение. Да демократы только этого и ждут! И уж как они нас разрисуют всей мощью своих СМИ! Нет, ребята, так не пойдёт. Мы сильны правдой, духом сопротивления. А если у нас в руках увидят даже перочинный ножик... – Я поперхнулся, закашлялся, махнул рукой.

– Всё, разговор окончен! Спасибо за готовность помочь, но очень уж она похожа на медвежью услугу. Честь имею!

Вот это особо запомнилось – неожиданное офицерское “честь имею”. Кажется, такое было со мной в первый раз. Дай Бог, не последний.

Осаждённый дом просыпался. Ага, многие всё-таки разъехались по домам. Но русская провинция – в строю, готова к обороне. Умываются, прихорашиваются, рассыпают бодрые улыбки, анекдоты. “Ах, какой вы все, ребята, замечательный народ!” И тревоги, туманы сомнений рассеиваются, как дым. Редкое и потому особо драгоценное чувство слитности воедино судеб друзей, соратников овладело мною. Наверно, из него и рождалось когда-то, в глубинах времён великая русская поговорка: “На миру и смерть красна”. Насчёт смерти это, пожалуй, я чересчур, но как по-другому передать чувство сплочённости, солидарности, возникающее в такие минуты?

Как и предполагалось, снова к баррикаде приблизились “гвардейцы”, кучки зевак по ту и эту сторону проспекта. Раздались оглушительные возгласы: это у “захватчиков” появилось новое оружие — мегафоны. Как только они нас не честили — и красно-коричневые, и фашисты, волокущие страну в тоталитарное прошлое... Стёкла дрожали!

Юрий Васильевич спросил, не найдётся ли и у нас какого-нибудь завалящего рупора? Серёжа Лыкошин, наш главный оратор и переговорщик, кивнул головой и ответил: — Через полчаса организуем!

И действительно, где-то через полчаса принесли вполне современный аппарат; Сергей устроил себе радиорубку на втором этаже, открыл окно — и началась многочасовая “мегафонная война”. В конце концов внизу появилась группа милиционеров; похоже, они решили погасить очаг нарушения общественного порядка. Шуму много, зевак прибавляется... мало ли что! Один из офицеров поднялся к нам и попросил (именно попросил!) прекратить участие в перебранке.

— Прекратим немедленно, как только эти... — Сергей махнул рукой вниз.

Вражеский “матюгальник” вскоре замолчал. Лыкошин вырубил свою “звукотехнику” и радостно воскликнул: “Победа за нами!”

Потом, уже на третий день, началась унылая “юридическая война”. Приходили служилые в мундирах и без, что-то писали в свои блокноты, уточняли, удивлялись, снова задавали вопросы, обнаруживая трогательную неосведомлённость в причинах нашего упрямства и решительности стоять на своём.

Наконец, к нам пожаловал сам городской прокурор Геннадий Семёнович Пономарёв. Мы принимали его в бондаревском кабинете. Юрий Васильевич умело построил свою беседу — *наступательно*.

— Нет, Вы всё-таки согласитесь, — энергично рубил он, обращаясь к собеседнику. — Изначально нарушены все общепринятые нормы разрешения конфликта. Евтушенко, захвативший революционным путём Союз писателей СССР — это и есть путч! — объявляет наш Союз пособником ГКЧП. Никаких доказательств нет и быть не может. На этом “основании” при поддержке всего лишь префекта г-на Музыканского...

— Не мэрии даже, а всего лишь префектуры! — не удержался, съехидничал Борис Романов.

— ...апрелевцы, — продолжал Бондарев, — принимают решение прекратить деятельность СП РСФСР в его нынешнем составе, а главное — опечатать краденую печатью и занять здание, в котором мы работаем. Пришли, понимаете, этикие новые матросы железняки... как они представились?

— Батальон национальной гвардии, — снова подсказал я.

— Вот-вот! “Открыть окна. Проветрить помещение”. В доме на Воровского это им удалось — некому было сопротивляться. Но здесь, у нас — не пройдёт!

Прокурор задумчиво кивал головой, то ли в знак согласия, то ли подтверждая, что слушает внимательно. Потом решительно откинулся на спинку стула и произнёс: — Правда на вашей стороне. Никаких оснований для юридического преследования или наказания в ваших действиях я не усматриваю. Можете не беспокоиться: повторной попытки захвата здания не будет. Этот вопрос уже согласован с мэрией и ГУВД...

— Спасибо вам! — улыбнулся Бондарев; потом проникновенно понизил голос. — И всё-таки нам бы от вас какую-нибудь... охранную грамоту, а? Наши ребята готовы стоять до конца. А ведь спят третьи сутки на полу, на стульях — где придётся, едят в сухомятку, от семей оторваны. Многие домой дозвониться не могут — а там, в далёких городах, жёны и дети с ума сходят...

Пономарёв печально улыбнулся.

— Пока разрешаю вам официально сказать вашим товарищам: городской прокурор подтвердил от имени власти города Москвы своим честным словом, что осада здания Союза прекращается — и восстанавливается нормальный порядок работы вашей организации.

— Честное слово прокурора — лучшая охранная грамота, — пошутил Борис Романов, и все мы, секретари правления, облегчённо вздохнули.

Стояние на Комсомольском проспекте завершилось нашей победой. На четвёртый день мы расшвыряли остатки нашей символической баррикады — конечно же, никчёмной, беспомощной, но это была, выражаясь высокими словами поэта, “баррикада сердец и душ”. Но для *полноты* ощущения по-

беды всё-таки чего-то не хватало... Нет, мы не ждали признания вины, покаяния от евтушенок и оскотских — глаза бы не видели их постные рожи! Но чьё извинение — публичное! — нам очень хотелось услышать, так это вляпавшегося в писательскую идейную драчку префекта Музыкантского.

И оно состоялось — на расширенном заседании секретариата Союза писателей РСФСР через несколько дней после снятия осады Дома Казакова.

Вертелся Александр Иосифович, как уж. Валил всё на Евтушенко: охмурил, дескать, меня великий поэт, разжалобил, убеждал, что есть какая-то разоблачающая Бондарева стенограмма, что надо умело воспользоваться проколами просоветских “русаков”. Приятно было слушать, как префекта “опускали” наши остроязыкие ребята. Не хамили, нет — ставили на место.

...Ту осаду мы одолели. Минуло ровно 20 лет — но и конца не видать длящейся либеральной блокаде Русского Дома и его хозяев — писателей-патриотов...